

ПОРТРЕТНАЯ ГЕММА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ АРТАШАТА

АСМИК МАНУКЯН

Столица древней Армении—Арташат, основанная в 180—170 гг. до н. э. армянским царем Арташесом I, являлась крупным торговым и ремесленным центром, носителем и распространителем античной культуры. В течение более пятисот лет Арташат был главным центром страны. Находясь на перекрестке дорог, идущих из Ирана, Атропатены и Месопотамии в Сирию, Малую Азию, государства Средиземноморья и Причерноморья, город играл выдающуюся роль в политической, экономической и культурной жизни древней Армении. Его раскопки, начатые в 1970 г., имеют исключительно важное значение для изучения материальной культуры страны античной эпохи (II в. до н. э.—IV в. н. э.). Они сосредоточены главным образом на девяти холмах, составляющих центральную часть города, занимающего площадь более чем 500 га.

VIII холм, расположенный в юго-западной части города, был заселен со дня его основания. Архитектурные сооружения (остатки жилых помещений, расположенные по обеим сторонам четырех центральных улиц, бань, сооружений производственного характера) и богатый археологический материал (керамика, стеклянные изделия, монеты и т. д.) позволяют составить определенное представление об одном из густонаселенных кварталов города, где жизнь продолжалась вплоть до его разрушения, т. е. до середины IV столетия.

Летом 1979 г. во время исследования юго-западной части VIII холма, где культурный слой достигает глубины более чем 2 м, в одном из помещений (квадрат 19L) найдена редкая гемма из стекла с погрудным женским портретом. Сопровождающий материал—базальтовая ступка, краснолощенный широкогорлый кувшин с двумя ручками, а также небольшой сосуд с шарообразным туловом, покрытый красным ангобом. Последний является местным подражанием краснолаковой керамике малоазийских центров I—II вв. н. э. Наряду с сохранившимися фундаментами стен жилого помещения, комплекс относится к II строительному периоду холма, датированному 60-ыми—160-ыми гг. н. э.¹

Весьма редкой и интересной является довольно крупная² овальная инталия, без оправы, отлитая из светло-зеленого стекла со следами легкой призматичности. На оборотной стороне, по всей вероятности после стлипки, выровнена овальная поверхность меньших размеров³ со сглаженным нешироким краем (рис. 3, 4). С передней стороны в овальное поле вписано профильное изображение женщины, обращенное вправо. Тонкое мастерское исполнение подчеркивает массы лица, пышно убранных волос, брошенной на плечи драпировки-эгиды. Разноплановость, сочетание поверхностной и глубинной резьбы позволили резчику передать не только женскую красоту, но также спокойную величавость и властность натуры своей модели. Мастер выявил также и индивидуальные черты портретируемой женщины, внутренние качества ее характера. Благодаря сознательному и искусному подчеркиванию

¹ Ж. Д. Хачатрян, А. Г. Канецян, Стратиграфия VIII холма Арташата (*ՀԱՅԿ ԳԻՏՈՒԹՅԱՆ*, 1974, № 9, с. 84—85).

² Размеры литика: ширина—2,3 см; высота—3,4 см; толщина—9 мм.

³ Ширина—1,9 см; высота—2,4 см. Небольшой скол в верхней части не повредил изображения.

отдельных черт, в ее лице просвечивает что-то важное, целеустремленное: холодная надменность, которую подчеркивает уверенный и жесткий взгляд широко открытого глаза, отмечена чувственность полных, плотно сжатых губ, мягкие формы подбородка, легкие складки на шее женщины. Завитые в тугие локоны волосы, завязанные узлом на затылке, с мягкими, выбивающимися завитками вокруг лба и на шее, облегчают тяжесть выполненной мелкими бороздками прически (Melopen-Frisur). Голова украшена диадемой, концы которой, переданные двумя тонкими штрихами, спускаются на спину, подчеркивая стройную грацию полной шен. Четкую детализированную разработку чешук эгиды, слегка прикрывающей грудь и плечо, мастер усложняет нанесенными резцом мягкими, похожими на завитки углублениями. Благодаря реалистической трактовке черт, подчеркивающих высокое положение портретируемой на основании таких деталей, как диадема и эгида, можно предположить, что перед нами портрет благородной знатной дамы древности.

В коллекциях гемм и металлических перстней многих музеев мира и частных собраний имеются аналогичные портретные изображения. Однако прежде всего бросается в глаза типологическое и стилистическое сходство изображения с портретами на монетах представителей египетской династии Птолемеев. Исходя из типологического сходства и несомненной стилистической близости с изображениями представительниц этой династии и на основе сравнения нашей пинталии с аналогичными портретными геммами из стекла и камня, металлическими перстнями, можно предположить, что на нашем памятнике также представлена одна из птолемеевских цариц. Прекрасные образцы эллинистического портрета оставила в нумизматике династия Птолемеев. Монеты являются основными, превосходными по своему качеству, дошедшими до нас произведениями искусства портрета, позволяющими более точно определить иконографические типы, а порою и выявить индивидуальное сходство.

Типологически близкими нам представляется известный по монетам, геммам и другим произведениям искусства погрудный женский профиль представительницы третьего поколения династии Птолемеев, Береники II, жены Птолемея III Эвергета (прав. 246—222 гг. до н. э.). Золотые и серебряные монеты, чеканенные уже при жизни этой царицы, имеют на оборотной стороне легенду ΒΕΡΕΝΙΚΗΣ ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ, рог изобилия с лентами и фруктами, а также справа и слева от него шестиконечную звезду. На лицевой стороне профиль царицы, обращенный вправо, с диадемой, вуалью и ожерельем⁴. Однако при тщательном сравнении, наряду со знакомой уже нам прической (Melopen—Frisur), диадемой и вуалью, бросается в глаза заметное различие индивидуальных черт портретируемой. Контур головы с более низким лбом, огромный массивный нос, подчеркнутые очертания губ и подбородка, короткая полная шея—черты, свойственные иконографии Береники II. Именно такой предстает она на геммах⁵ и бронзовых перстнях⁶ из Северного Причерноморья, а также в мраморном портрете юной девушки, найденном в 1915 г. у подножья восточного

4 J. N. Svoronos. *Tā nomismata tou kratous tou Ptolemaion, III*, Athen. 1904, №№ 314—321; 477, 962, 972, 978, 991.

5 О. Я. Неверов, *Античные пинталии*, Л., 1976, №57, /3,0×2,0/. Ad. Furtwangler, *Beschreibung der geschnittenen Steine im Antiquarium*, Berlin, 1896, N 1091, 1096; "Catalogue of Morrison Collection". London, 1896, N 196, pl. II; F. H. Marshall, *Catalogue of the Fihger Rings, Greek, Etruscan and Roman in the British Museum*, London, 1907, pl. XXXI, N 1267.

6 О. Я. Неверов, *Группа эллинистических бронзовых перстней в собрании Эрмитажа* («Вестник древней истории», 1974, № 1, с. 106).

вала стены Акрополя Кирены⁷. Однако если от общего типологического сходства мы обратимся к чисто физиономическому, индивидуальному, представляется больше данных для идентификации портрета на нашей гемме с изображениями Арсинои II. Монеты с изображениями Арсинои II охватывают все египетскую чеканку золотых, серебряных и медных монет. Наиболее ранними являются медные монеты с женским профилем на лицевой стороне, обращенным вправо, с венком и вуалью. Вместо указания даты на них имеются монограммы⁸. На оборотной стороне часто встречается изображение орла с молнией. После смерти Арсинои II, начиная с 270 г. до н. э. появляется большое количество золотых и серебряных монет, представляющих изображение обожествленной царицы с вуалью и диадемой (венком) на голове. Обычно на оборотной стороне имеется легенда $\text{ARCINOE PHILADELPHOY}$ и двойной рог изобилия с фруктами и лентами, являющимися символами новой богини⁹. Портреты Арсинои II отождествляются исследователями также на многих памятниках глиптики. Выпуклый сердолик в галерее Уолтерса в Балтиморе (из бывшей коллекции Мальборо) украшен изображением женщины с жемчужным ожерельем (рис. 1). Вся верхняя часть головы со лбом и клубочком волос над ним является более поздним дополнением золотом. Судя по прическе (*Melonen-Frisur*), прямой форме носа с чуть приподнятыми ноздрями, характерной формой глаза и нижней части лица, голова считается реалистическим, не идеализированным портретом Арсинои II¹⁰. Слева, позади головы, подпись мастера NIKANDROS EPICI ($\text{Νικάνδρος ἐπίγραμμα}$). Манера очень бегло написанной подписи и жизненно правдивые, мягкие и свежие формы исполнения датируют камень III в. до н. э.

Исключительно прекрасна головка царственной женщины с вуалью и диадемой, вырезанная на порфиrowой гемме, вставленной в золотой перстень, в частном собрании (Англия). Типологическое сходство с изображениями царицы на монетах позволяют идентифицировать ее с портретами Арсинои III¹¹. Резной сердолик из Британского музея содержит аналогичный женский профиль¹². Однако помимо вуалей, покрывающей затылок и ниспадающей на спину, на голове у женщины венок из колосьев пшеницы. Он считается идеализированным портретом Арсинои II—Деметры. Высоким художественным исполнением, точной реалистической передачей черт лица отличается хранящийся в Гос. Эрмитаже золотой перстень с портретом Арсинои II, датируемый III в. до н. э.¹³

Для установления иконографии Арсинои II и Береники II можно было бы обратиться также и к другому классу памятников, так называемым «ойнохойям цариц», которые были найдены в Египте. На этих вазах, по крайней мере в их подавляющем

7 C. Anti, Ein Porträt der Berenike aus Kyrene ("Die Antike", 1929, V, S. 20—21); Kent Hill D., Rome hellenistic carved Gems ("The Journal of the Walters Art Gallery", vol. VI, 1943, p. 64, fig. 1).

8 J. N. Svoronos, указ. соч., №346, 351 ff. 383, 386.

9 R. Poole Catalogue of the Greek Coins of the British Museum. The Ptolemies. Kings of Egypt, London, 1883, tab. VIII, 1—10; Svoronos J. N. указ. соч. №№408—410, 419—421, 428, 432—435, 451—456, 459—461, 471—477, 485—490, 502—508 513, 517.

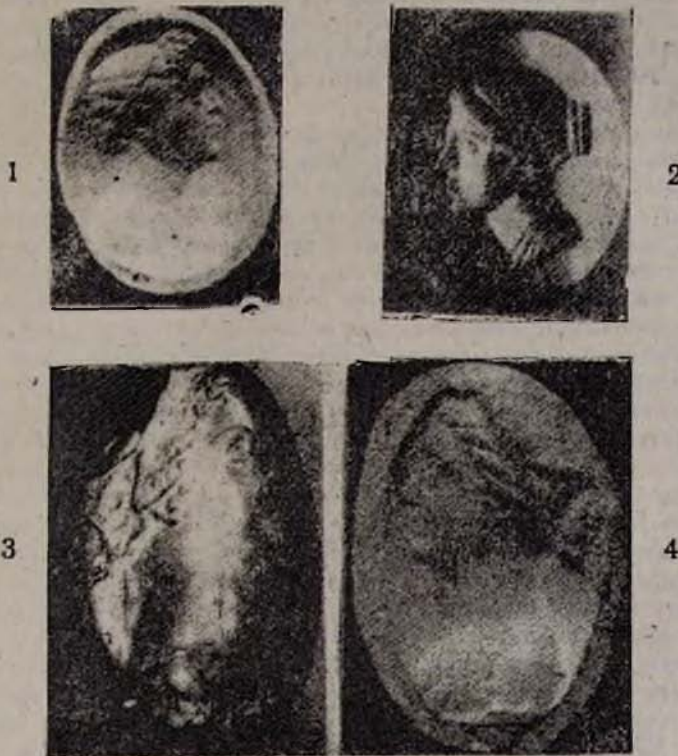
10 A. d. Furtwängler, Die Antiken Gemmen, Leipzig-Berlin, 1930, tav. XXXII, №30.

11 H. Carnegie, Catalogue of the Southesk Collection of Antique gems. I, London, 1908, N K II (ov. $5 \times 4\frac{1}{2}$).

12 H. B. Walters, Catalogue of the engraved Gems and Cameos Greek, Etruscan and Roman in the British Museum, London, 1923. pl. XVII, N 1185 (26×20).

13 О. Я. Неверов, Античные перстни (VI в. до н. э.—IV в. н. э.), Л., 1978, № 82.

большинстве, начертаны имена Арсион, супруги Фпладельфа или Береники, супруги Эвергета¹⁴. Изготовленные из фаянса, они, вероятно, имели сакральное назначение. Это произведения кустарного характера, изготовленные по штампу, а отпечаток почти всегда столь расплывчатый, что было бы тщетно искать в лицах индивидуальные черты.

Изображения на вышеописанных памятниках членов правящего царского дома непосредственно связано с тенденцией повсеместного изображения представителей правящих династий в эпоху эллинизма. Портрет в эллинистическую эпоху становится как-бы преимущественной прерогативой монарха, будучи тесно связанным с культовым почитанием, которым окружается личность властителя нередко еще при его жизни¹⁵.

Так как у греков представление о божественном связывалось всегда с основанием и порядком государства, то тот, чья личная сила создавала, образывала, покоряла, приводила в порядок новое государство, не мог быть никем иным, кроме бога. И лишь такая особенно выдающаяся личность, как личность Александра Великого, сумела поднять на невероятно высокую ступень сознательное возвеличивание сильной натуры правителя, что полностью отвечало духу времени.

Восточный же царь являлся божественным в результате особого освящения и милости богов, благодаря харисме¹⁶. Египетский царь являлся сыном бога солнца и благодаря этому сам был богом света. Таким образом, египетское божественное

¹⁴ O. Rayet, *Monuments de l'art antique*, vol. II, Paris, 1884, pl. 51.

¹⁵ О. Я. Неверов, *Геммы античного мира*, М., 1983, с. 71.

¹⁶ F. Taeger, *Charisma, Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes*, Stuttgart, 1957—60. Bd. I, S. 420.

царство и восточная харизматика полностью отличаются по идее от эллинистического апофеоза великого господина-человека.

Уже в течение своей короткой жизни Александр почитался как бог, такие же почести оказывались царю и посмертно. Хотя первому Птолемею, сатрапу, а затем правителю Египта, за подвиги в освобождении греческих государств были построены как спасителю алтари, однако как царь своей страны он не пользовался божественными почестями¹⁷. Окончательная форма новому культу была придана Птолемеем II (прав. 283—246 гг. до н. э.) и существовала на протяжении всего периода правления династии Птолмеев.

В культах различного рода, посвященных представителям женской линии династии Птолмеев, львиная доля досталась Арсиное II. Сведения о ее жизни весьма скудны. Будучи старшей дочерью правящей четы первых Птолмеев (Птолемея I и Береники I), она теснейшим образом была связана с домом Лисимаха, царя Фракии и Македонии. Однако после трагических событий, разыгравшихся здесь из-за престолонаследия, и после смерти царя, она вынуждена была покинуть македонский двор. Затем последовало ее обручение со сводным братом, царем Македонии Птолемеем Керавном, обещавшим относиться к ней как к суверенной царице¹⁸. Однако и на этот раз ей не удалось осуществить свои надежды на вновь обретенное царство. Жестоко обманутая хитрой политикой царя, она лишилась двух своих сыновей, потеряла царскую диадему и едва спаслась бегством в Египет, где правил ее родной брат—Птолмей II. Для того, чтобы заполучить в третий раз диадему и мужа—царя, она поступила ужасным, по греческому восприятию, образом, совершив помолвку со своим родным братом. Арсиноя была признана по всем правилам сорегентшей и получила благозвучное имя *Philadelphos* («любящая брата»)¹⁹.

Из литературных источников известно, что умерла Арсиноя 9 июля 270 года до нашей эры, и после смерти была провозглашена *Thea Philadelphos*, ассоциировалась изолированно с культом Александра и *Theoi Adelphoi* и получила специальную жрицу с эпонимом «*Kaierphore d'Arstinoe Philadelphie*» с намеком на корзину, которую та несла во время ритуальной процессии²⁰. При жизни и после смерти Арсиноя пользовалась таким расположением подданных, что могла претендовать на обожествление. К тому же, она, несомненно, уже при жизни ассимилировалась с некоторыми божествами. Мы видим это при исследовании культов, находившихся под особым покровительством двора, где она осуществляла определенную династическую религиозную политику. Образ царицы был воспет поэтами-современниками—Каллимахом из Кпрены и Феокритом из Сиракуз²¹. Считают, что Изиды, Афродиты и Деметры явились для нее предпочитаемыми примерами подражания²². В качестве Изиды ее сакральным именем был эпитет «Спасительница». В ее честь воздвигают храм, ее именем называют города; она становится богиней округа и ее включают во все храмы как необходимого божественного представителя династии²³. Сохранилось сведение о портрете царицы Арсинои, изготовленном из огромного топаза, высотой в четыре локтя и также стоявшем в династическом храме²⁴.

¹⁷ A. Bouché-Lecquerque, *Histoire des Lagides*, Paris, 1903, vol. I. p. 160.

¹⁸ Там же, с. 172.

¹⁹ U. Wilcken, *Arsinoë II*. Paulys-Wissowa G. *Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* II, 1281, 25.

²⁰ L. Cerfaux-J. Tondiau, *Le culte des souverains*. Bibliothèque de Théologie, Paris. 1957, serie III, vol. 5. p. 195.

²¹ R. Pfeiffer, *Arsinoë Philadelphos in der Dichtung*. („Die Antike“, 1926, 2 S. 168).

²² L. Cerfoux, J. Tondiau, указ, соч, с. 198.

²³ U. Wilcken, *Arsinoë II*. Paulys-Wissowa G. *Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, II, 1285.

²⁴ Плиний Старший, *Естественнонаучная история*, XXXVII, 32.

Как бы широко не осуществлялся разветвленный культ Арсиной дальновидной религиозной политикой правительства и ее супруга—брата Птолемея, исходным пунктом все же является дух времени, личное могущество этой женщины. «Божественность» живого правителя, которая сохранилась до тех пор лишь за Александром, с момента смерти Арсиной, была захвачена династией Птолемея, а смелый акт этого брака имел своим следствием то, что он стал институтом в династии на протяжении последующих столетий.

Стеклопечная печать из Арташата с портретным изображением египетской царицы является уникальным в серии памятников глиптики Армении эллинистической эпохи. Египетские изделия, найденные при раскопках памятников эпохи бронзы и Урарту, свидетельствуют об определенных культурно-исторических и экономических, а также торговых контактах Армении со странами Древнего Востока. В урартских центрах Арштинихини (VIII в. до н. э.) и Тейшебани (VII в. до н. э.) была найдена группа египетских или изготовленных в египетском стиле скарабеев, куда они могли попасть через Ассирию²⁵.

В античную эпоху с увеличением малоазийского и сирийского импорта заметно расширяется ассортимент ввозимых египетских особенно стеклянных изделий, в том числе и предметов культового характера. В некрополе античной крепости Гарни обнаружено множество изделий из стекла, завезенных из Египта (в частности из Александрии), а также предметов местного изготовления, исполненных по египетским образцам²⁶. Аналогичный материал выявлен также из раскопок Арташата, относящийся к I и последующим векам нашего столетия. Арташатская гемма является механическим воспроизведением каменного оригинала III в. до н. э., исполненного неизвестным александрийским мастером. Она могла быть отлита и в более позднее время. Нет никаких сомнений в том, что в эллинистическую эпоху и особенно в первые века нашей эры в Армении было также довольно развито искусство резьбы на камне. Особенно широкое распространение получили стеклянные геммы различных форм, изготовленные из синего, зеленого, светло-зеленого и коричневатого стекла. Однако, руководствуясь методом типологического и стилистического сопоставления, нам кажется вероятным, что гемма в качестве украшения или амулета была завезена в Арташат. Очень примечателен тот факт, что оригинал, по которому исполнен наш литик, на сто лет старше даты основания города.

Образ богини-покровительницы и спасительницы, принадлежавший в качестве амулета находившемуся вдали от родины владельцу, напоминает об удивительно интересной исторической личности, сумевшей возвыситься над смертными и удостоиться божеских почестей, а также является еще одним штрихом, подчеркивающим синкретический характер сочетания древних традиций разных восточных культов в указанном регионе античного мира.

ԱՐՏԱՇԱՏԻՅ ՀԱՅՏԵԱՐԲԵՐՎԱՆ ՀԵՂԵՆԻՍՏԱԿԱՆ ՇՐՋԱՆԻ ՊՈՐՏՐԵՏԱՅԻՆ ԿՆԻԲ

ՀԱՍՄԻԿ ՄԱՆՈՒԿՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

1979 թ. Արտաշատի պեղումների ժամանակ 8-րդ բլրից հայտնաբերվել է կանաչավուն ապակե պատրաստված կանաչի պատկերով եզակի մի կնիք: Մեծ վարպետության վերաբերյալ են

²⁵ Б. Б. Пиотровский, Древнеегипетские предметы, найденные на территории СССР («Советская археология», 1958, № 1, с. 20—27).

²⁶ Ж. Д. Хачатрян, Гарни V. Античный некрополь, Ереван, 1976, с. 134.

կենց դիմագները, փարթամորեն հարդարված մազերը, ուսին երևացող զգեստի ձալքերը: Վարպետին հաջողվել է ոչ միայն պատկերել կնոջ ինքնատիպ զեղեցիկությունը, այլև արտահայտել իր մոգելի հանդիսավոր կեցվածքը, բռնակալ խառնվածքը և քնավորության ընդունակ դժբերք: Վերահիշյալ առանձնահատկությունները համապատասխանում են հելլենիստական ճգնաշրջանի տիրակալների՝ պտղոմեոսյանների թագուհիների, հատկապես Բերենիկա 2-րդի և Արսինոյա 2-րդի, պատկերազրույթները: Դիմագծերի որոշ մանրամասներ թույլ են տալիս ենթադրելու, որ Արտաշատի կնիքի վրա պատկերված է Արսինոյա 2-րդը, որն իր կենդանության օրոք աստվածացվել էր և իրեն ալգպիսին ներկայացվել սրվեստի մի շարք հուշարձաններում: Թեև կնիքը հայտնաբերվել է մ. թ. I դարի շիրտից, սակայն ամենայն հավանականությամբ պատրաստվել է մ. թ. ա. III--II դդ. ճգնաշրջանում և ներմուծվել Արտաշատ քաղաքի թաղամաս: